

Новая. газ. — рок — 14 июля — с. 19

Сначала мы попали на пресс-конференцию. Надо сказать, довольно захватывающее мероприятие. Для начала беспрепятственно попадаешь туда, куда таких, как ты, обычно не подпускают на пушечный выстрел, — в данном случае в отель «Балчуг-Кемпински». Мы

пришли заранее и наблюдали, как собирается журналистская братия: прошедшие огонь и воду дяденьки с лейкой и блокнотом, а то и с пулеметом в виде тяжелой видеокамеры на накачанном плече, девчушки в джинсиках с поясом ниже середины задницы, с кокетливо выглядывающими колготками в защитных разводах, ухоженные молодые люди с глазами, в которых написано: а почему мне, собственно, должно быть стыдно? Наконец, когда стало ясно, что ничего не будет, появился Сам — чуть прихрамывая (говорят, у него одна нога короче другой) и изредка вспыхивая такой улыбкой, что каждый раз хотелось все бросить и идти за ним, чуть прихрамывая, на край света. Я несколько суетилась внутри себя — готовила вопрос, хотела сформулировать его как можно короче, изящнее и понятнее и разрывалась между вертящимися в голове формулками и зрелищем удивительного малень-

Умка продолжает превращать жизнь в словечки в своей личной рубрике.

Только что она побывала на концерте Игги Попа, который был специальным гостем на фестивале «Крылья»

ДЫРКА В ЗАБОРЕ

кого человека буквально в пяти шагах. Одно я знала точно: закончу словами: *or you just don't give a shit?*

Напрасно старалась. Игги Поп ответил, что после тридцати лет в рок-н-ролле слух у него ни к черту, поэтому он разобрал только слово «шит». Ключевое, кстати, было слово. Сбиваясь и позабыв все формулировки, я стала объяснять по-русски: мол, не запало ли ему выступать на одной сцене с такими, в общем-то, средними и конформистскими группами... «Почему это средними?» — возмутилась

дама, служившая переводчицей (потом мне объяснили, что дама это весьма важная, так что не быть мне помощником письмоводителя). «Ваше дело — переводить!» — вступилось несколько голосов. Поняв наконец, чего я хочу, дядька снял темные очки и, щедро разбрасываясь факками и факингами, сказал, что ему в высшей степени наплевать: он привык выступать черт знает с кем, так что приятная группа — всегда приятный сюрприз. Дама вообще работала на уровне: когда Игги сказал о своем недавнем

дний». — «И «Арии» не будет?» «Нет» — злорадно сказали мы. «Блин», — обломались подростки и пошли прочь. В это время Гребеншиков пел, как поедет на «Джамайку» «работать над курением травы». Слушать его было неловко. Интересно, как люди умудряются играть на электрогитарах и барабанах, и петь в микрофоны, и даже притоптывать по мере сил, и зомбированная толпа подпевает им. И все это не то что недотягивает, не то что непохоже, а просто что-то совершенно другое, чем собственно рок-н-ролл. Как сказал мой друг: «Так называемый «русский рок» отличается от рока вообще тем же, чем «советская литература» от нормальной: люди наполняют пространство пустым местом».

И вот наконец с грохотом выскочил маленький, яростный, настоящий и закричал: «Фак ю!». Пасует печатное слово перед концертом Игги Попа, сил моих нет. Поджарое тело его прыгало так, что страшно было смотреть на белые пухлые пивные тельца разомлевших на жару молодых россиян. Играют трое: гитара,

ФАКИНГ ЗДРАВСТВУЙТЕ

Поджарое тело Игги Попа

убитом бас-гитаристе — «Упокой Господи его душу», — она перевела: «Наш басист, которого убили, слава богу».

Вооружившись синенькими аккредитациями, мы приехали в Тушино часам к семи. «Куда это вы? — удивлялись менты. — Он уже на выход работает!». Действительно, молодежь валом валила с аэродрома, распевая пивными голосами тексты любимых групп. Мент на входе аккредитацию у меня отобрал за отсутствием (у меня, а не у него) профессионального удостоверения и вел себя крайне хамски. Ну и хрен с ним: мы просто купили билеты и пошли в тучах пыли против движения масс.

На сцене допевал «Сплин», многотысячный хор долго орал вместе с ним: «Выхода нет! Выхода нет!». Всех было очень жалко. Хотелось вперед, но поле перегораживали натрое поперек две цепи солдатиков. Бедняги стояли спиной к сцене и не пускали вперед тех, кто пришел позже. Прорвать это железное ограждение можно было с помощью мелких купюр или — в нашем случае — собственных компактв. В самом ближнем отсеке оказалось довольно просторно: все, кто пришел колбаситься под «Танцы минус» или что там было, сбегали еще до «Сплина», а пришедшие на Игги Попа не могли прорвать кордон. «Не знаете, «Король и Шут» будет?» — спросили нас взволнованные подростки. «Да нет, говорят, БГ после-

бас и барабаны, грязно, жестко, мощно, без дураков. Иногда Игги пускает гитаристов вперед, потом бесцеремонно отталкивает, чтобы не путались под ногами. Примерно после третьей песни я обнаружила, что на мне улыбка от уха до уха, как после пересечения государственной границы «туда». «Факинг здравствуйте! — орал старик. — Факинг спасибо, факинг Москву!». Потом, казалось, попробовал ногой водичку — и прямо в штанах нырнул в человеческое озеро под сценой, к ужасу охраны. Вынырнул довольный и мокрый. «Зачем у вас там столько людей в униформе? Почему бы не пустить тех, кто сзади, вперед?». Его, конечно, не поняли, да и распоряжения такого не было.

Присев на корточки, он говорил: «Каждое утро я просыпаюсь и думаю: сегодня будет справедливость. Уже лучше. Раньше каждое утро просыпался и думал: сегодня справедливости не будет». На «Пассажира» вытащил на сцену плясать человек двадцать: «Пустите их сюда, мне тут одиноко!». Отдал им микрофон, чтобы пели: «ла-ла-ла-ла». Так бывает на каждом концерте этого тура, но не все ли равно? «Ай лав ю!» — пел этот человек, и именно этим он и занимался.

Ощущение такое, будто я впервые в жизни побывала на рок-концерте.

Правое ухо заложено до сих пор.